

В ясном небе без всякой причины сверкнула молния, озарив под карнизом мёртвенно-бледное лицо И Нина. Похоже, дождь вот-вот готов был снова сорваться.

Когда он открыл глаза, живот пронзила невыносимая боль. Бессмертный опустил голову и в оцепенении уставился на рану, из которой, казалось, всё ещё сочилась кровь.

Руки и ноги окоченели, лишённые тепла и крови. Не веря своим глазам, он дрожащими пальцами сорвал с раны повязку, отчего кровь хлынула обильным потоком. Дыхание сбилось, он был на грани потери рассудка.

Когда последний слой ткани упал на пол, И Нин увидел разорванную плоть и зияющую пустоту внутри.

Его духовное ядро... Гун Сюсянь уничтожил его.

Теперь, когда И Нин полностью утратил духовную силу, он фактически оказался в заточении на горе Юньцин. Все окрестности были усеяны магическими массивами, которые он сам же и расставил. Пока их не разрушить, выбраться отсюда невозможно. Кто бы мог подумать, что однажды он попадёт в свою же ловушку.

Склонив белоснежную шею, он разглядывал замысловатые магические узоры на своём мече.

В голове эхом отдавались слова, которые Гун Сюсянь произнёс перед уходом, ласково поглаживая его по волосам:

— Раньше я всегда считал учителя недосягаемым. Однако сейчас всё складывается как нельзя лучше. Если ревнуешь меня к Жугэну, может, сегодня ночью я и тебе составлю компанию? — Голос прозвучал низко и предвкушающе, словно он уже очень давно ждал этого момента.

Гун Сюсянь ещё никогда не казался настолько чужим, словно наконец сбросил все маски и показал своё истинное лицо. Прежде И Нин не позволял ему прикасаться к себе. Неужели теперь, лишившись духовных сил, ему остаётся лишь покориться?

Внезапно он усмехнулся — и непонятно, насмехался он над Гун Сюсянем или над самим собой.

«Я сердце своё обратил к сияющей луне, а та предпочла осветить сточную канаву*».

Первым под вечер пришёл Лю Жугэн.

— Почтенный бессмертный, я тут услышал, что вы лишились своих сил и духовного ядра. Поскольку теперь вы ничем не отличаетесь от обычных смертных вроде меня, я принёс вам немного еды. — Улыбка его казалась искренней, но каждое слово отдавало колючей насмешкой.

Еда в коробке ещё дымилась и источала аппетитный аромат. И почти наверняка была отравлена.

— Это был проклятый яд демонической расы, — неторопливо произнёс И Нин, протирая в руке меч.

Он не собирался убивать Лю Жугэна. Куда сильнее его интересовало, почему тот так жаждет его смерти.

Если бы Лю Жугэн и правда был обычным слугой, ему хватило бы просто заполучить сердце Гун Сюсяня. Не было нужды вредить дальше. И тем не менее он раз за разом пытался отравить И Нина, и почти наверняка действовал по чьей-то указке.

Если его догадка верна, этот проклятый яд был и на том фонаре в праздничную ночь. Просто сердце тогда пребывало в смятении, и он потерял бдительность.

Но кто мог использовать подобный яд? Неужели Лю Жугэн связан с демоническими культиваторами?

— Почтенный бессмертный, ваше спокойствие даже пугает, — Лю Жугэн придвинул стул и лениво уселся напротив. — А я-то думал, первым делом вы спросите, зачем я увёл вашего ученика.

И Нин всегда отличался хладнокровием и рассудительностью. Единственным человеком, способным вывести его из себя, был Гун Сюсянь. Но сейчас... это уже не имело значения.

Когда он увидел их вместе в одной постели, сердце его умерло. Люди называли его холодным и бесчувственным, и сам И Нин теперь тоже начинал в это верить.

— Хотя меня удивляет, что у Почтенного бессмертного ещё хватает сил размышлять о яде. Разве этой ночью вам не предстоит прислуживать Гун Сюсяню?

Лю Жугэн прошёлся по нему игривым взглядом, словно говоря: «Такой возвышенный бессмертный теперь ничем не отличается от простого смертного вроде меня». Каково будет такому благородному и утончённому человеку оказаться прижатым под чужим телом? Чтобы сломать кого-то, вовсе не обязательно самому пачкать руки. Достаточно растоптать его достоинство, и он сломается сам.

Заметив презрение в глазах собеседника, И Нин едва заметно помрачнел, но так и не проронил ни слова.

Видя, что бессмертный по-прежнему сохраняет самообладание, Лю Жугэну резко всё наскучило. Он бросил ещё пару язвительных фраз и покинул зал, случайно обронив по дороге какую-то вещь, слабо мерцающую золотистым светом.

Это была книга.

И Нин нахмурился и поднял её с пола. На обложке корявыми, едва читаемыми иероглифами было написано название: «Наша с учителем брачная ночь». Выражение его лица дрогнуло. Раскрыв книгу, он принялся её читать.

Как и на обложке, иероглифам внутри всё так же не доставало черт, но смысл худо-бедно угадывался.

Что важнее... там фигурировали их с Гун Сюсянем имена.

— «Учитель, разве этот ученик не доставил вам удовольствие? Впредь не пытайтесь больше сбежать, иначе я рассержусь».

— «Учитель лишился своего совершенствования, а ядро я собственноручно уничтожил. Откуда же у вас силы продолжать упрячиться? Почему нельзя быть хоть немного послушнее...»

— «Учитель, ещё раз посмотрите на кого-то ещё — я и ваши глаза уничтожу».

И Нин пролистал лишь несколько страниц, как пальцы уже судорожно смяли бумагу. Какая отвратительная, грязная пошлость! В книге подробно и без прикрас описывались сцены, в которых Гун Сюсянь держит его в заточении и подвергает всяческим унижениям.

И это было ещё не всё. В этой истории Гун Сюсянь женился сразу на двоих — и на нём, и на Лю Жугэне!

За непокорность он запечатал силы И Нина, уничтожил его духовное ядро и запер в главном зале горы Юньцин, бросив на растерзание Лю Жугэну. И впоследствии даже за один лишний взгляд на другого человека Гун Сюсянь лишил его глаз.

И Нин не смел поверить, что всё это правда. Но описанное в книге — прибытие Лю Жугэна на гору, праздник фонарей, их ночь в одной постели и даже уничтожение его духовного ядра — уже произошло в действительности.

Касаемо того, что должно последовать дальше... Согласно книге, сегодня ночью Гун Сюсянь должен был силой овладеть им прямо в главном зале.

Перед уходом тот и сам говорил нечто подобное. Выходит, всё написанное было правдой. Стиснув зубы, И Нин разорвал книгу в клочья.

Обрывки страниц утратили золотое сияние, и все буквы на них исчезли без следа.

И Нин резко развернулся и направился к выходу из зала, намереваясь потребовать у Гун Сюсяня объяснений. Если тот и впрямь способен на такую жестокость, уж лучше он погибнет вместе с ним, чем позволит так себя унижить.

За пределами зала его встретил ледяной дождь. Холодные капли обрушились на голову, что сразу же привело его в чувство.

Нет. С какой стати ему умирать?

Наказание должны понести Гун Сюсянь и Лю Жугэн.

Чем сильнее становился гнев И Нина, тем спокойнее делался он сам. Его взгляд стал твёрдым и безжалостным. Он не должен идти в боковой зал. Вместо этого следует отправиться к задней горе.

Если ему суждено умереть, то уж лучше от руки Янь Сюаня.

— Небесное Дао*, что именно ты подбросила в мир людей? — спросила девочка в белых одеждах у стоящей рядом женщины.

Та, кого называли Небесным Дао, едва заметно улыбнулась и погладила девочку по волосам.

— Ничего особенного. Просто немного помогаю человеку, которому была уготована другая судьба.

Девочка нахмурилась ещё сильнее.

— Ты же сама говорила, что нам нельзя вмешиваться в дела мира смертных, а теперь нарушаешь собственные правила?

Небесное Дао кивнула.

— Ему изначально было предназначено вознесение. Просто каждый раз он ошибается с выбором того, с кем связан судьбой. Я слишком долго ждала Небесного Владыку Гоучэнь*. Немного помощи не повредит.

Девочка задумчиво кивнула, и в следующее мгновение её лицо озарилось пониманием.

— Так он и есть Небесный Владыка Гоучэнь? Почему же он такой глупый, что раз за разом принимает не того человека за свою судьбу?

Небесное Дао лишь улыбнулась в ответ. Она взяла девочку за руку, и обе растворились среди облаков.

Только бы на этот раз он снова не ошибся.

Ветер на скале сегодня был особенно сильным. Прохладные капли дождя, задуваемого внутрь пещеры, попадали на лицо Янь Сюаня, вызывая лёгкий зуд.

Закованный в цепи, он коротал дни в этой бесконечной скуке и со временем привык. Лишь редкие визиты И Нина могли хоть немного всколыхнуть его душу.

Однако бессмертный навещал его всё реже и реже. Дошло до того, что Янь Сюань начинал испытывать особое волнение, едва заслышав чьи-то шаги.

Раз тот приходил только вчера, следующей встречи, вероятно, придётся ждать ещё год. Янь Сюань опустил голову и зевнул. Не потому, что хотел спать. Он просто подражал человеческим привычкам.

— Янь Сюань, — прозвучал внезапно спокойный голос.

Сперва он решил, что ему послышалось, но, подняв голову, заметил И Нина, стоящего у входа в пещеру. Его одежда и волосы насквозь промокли под дождём, но даже это ничуть не придавало ему жалкого вида — напротив, он казался удивительно спокойным и возвышенным, отрешённым и изящным.

В груди Янь Сюаня внезапно гулко забилося сердце, мысли опустели. Но с губ сорвалось совсем другое:

— Почему ты опять пришёл?

Слова застряли у И Нина в горле. Он вдруг засомневался, стоит ли вообще что-либо говорить, но Янь Сюань вдруг сам нарушил молчание:

— У тебя слишком много свободного времени? Приходишь ко мне и молчишь, — лениво прислонившись к каменной стене, он с привычной насмешкой добавил: — А твой ученик знает, что ты постоянно ищешь встречи со мной?

И Нин поджал губы и остался стоять на месте, не издавая ни звука. При упоминании Гун Сюаня его лицо слегка помрачнело, и он резко перебил:

— Между нами больше ничего нет.

Янь Сюань застыл. Смысл сказанного дошёл до него с некоторым опозданием, и сердце вдруг бешено заколотилось. С трудом подавив вспыхнувшее внутри ликование, он как можно равнодушнее произнёс:

— Больше ничего нет? Тогда зачем ты пришёл ко мне?

В глубине души Янь Сюань уже смутно догадывался, что хочет сказать И Нин. Просто не решался поверить до конца. Неужели этот идиот Гун Сюань действительно порвал с ним?

Слова уже были готовы сорваться с языка, но И Нин всё никак не мог произнести их вслух. Однако другого выхода у него всё равно не было. После короткой паузы он наконец решился и предложил:

— Вообще-то... мы можем заключить сделку.

Янь Сюань опустил на него взгляд, явно не ожидая, что когда-нибудь бессмертный сам придёт к нему с предложением. Уголки его губ медленно приподнялись в усмешке.

— Какую ещё сделку? Я помогу тебе, а ты отдашь мне себя?

Всё как всегда. Стоило этому демону открыть свой рот, как тут же начиналась головная боль. И Нин с усилием подавил желание плеснуть ему в лицо настойкой на реалгаре и терпеливо продолжил:

— Заклучи со мной фальшивый союз*. Так я смогу избавиться от Гун Сюаня.

Янь Сюань опешил. На секунду ему показалось, что он ослышался. Он долго разглядывал И Нина с головы до ног, словно впервые его видел, и наконец с изумлением спросил:

— В тебя кто-то вселился?

— ...

Уголок его губ дёрнулся. Бессмертный развернулся и уже собирался направиться к выходу.

— Забудь, если не хочешь. Я придумаю другой способ.

Внезапно в пещере раздался громкий звон железных цепей. Янь Сюань резко потянулся за ним, но успел лишь задеть край одежды.

— Подожди. Ты серьёзно?

Что значит «серьёзно»? Можно подумать, речь шла о настоящем союзе. И Нин неловко отступил на полшага и снова заговорил:

— Разумеется, серьёзно. Сейчас я всего лишь бесполезный калека, неужели не очевидно?

В пещере повисла тишина. Стало настолько тихо, что было слышно неглубокое дыхание Янь Сюаня. И Нин подумал, что тот наверняка считает это заслуженным наказанием. Ведь ученик, которого он вырастил, оказался неблагодарным волком, вцепившимся в руку, что его кормила.

Бессмертный тихо вздохнул. Как и ожидалось, ничего из этого не выйдет.

Спустя долгое время Янь Сюань наконец заговорил:

— Подойди. — Тон его был ровным, без тени согласия или отказа.

И Нин слегка нахмурился, не понимая, о чём думает мужчина перед ним, но всё же подошёл ближе. Как бы там ни было, сейчас ему действительно нужна его помощь.

Чем ближе И Нин подходил, тем отчётливее ощущал исходящее от собеседника давление. Впрочем, для него подобное ничего не значило. Всю жизнь он оставался сильным и невозмутимым, никогда не выставляя чувств напоказ. Даже лишившись духовных сил, И Нин по-прежнему обладал поразительной силой воли.

Когда он подошёл вплотную, Янь Сюань резко схватил его и дёрнул к себе. Тяжёлые цепи загремели, ударившись друг о друга.

— Сними их с меня. — Дыхание мужчины скользнуло по его шее. В голосе слышалось жадное, едва сдерживаемое желание. Если бы И Нин в этот момент поднял голову, то увидел бы, как Янь Сюань медленно облизывает губы, точно ядовитая змея, почуявшая добычу.

И Нин же решил, что тот торопится освободиться лишь затем, чтобы потом его убить, поэтому сказал:

— Ты не можешь убить меня. Но если поможешь мне, я дам тебе шанс.

— Убить тебя? — Янь Сюань приподнял бровь. Пальцы сжали плечо И Нина, притягивая его ещё ближе — настолько, что теперь можно было разглядеть длинные ресницы, бледные губы и белоснежные кончики ушей. В груди вдруг стало нестерпимо жарко, будто всё тело охвачено пламенем.

Пока И Нин находился рядом, этот огонь не погаснет.

— Я не стану тебя убивать. Снимай.

Его голос неожиданно охрип. Глаза были опущены, а рука всё так же крепко удерживала бессмертного на месте, будто тот в любой момент мог сбежать.

И Нин едва не усмехнулся собственным мыслям. Даже если Янь Сюань и боялся, что он сбежит, то лишь потому, что хотел лично его прикончить.

И всё же он взмахнул рукой, разрушая тяжёлые оковы. Эту печать наложил он сам, следовательно, снять её мог только он один. В тот же миг электрический хлыст, обвивавший цепи, безжизненно обмяк, словно утратил душу.

Печать, удерживавшая демона девять лет, наконец была снята.

Янь Сюань опустил взгляд на хлыст. Одно лёгкое движение — и тот, поглощённый демонической энергией, обратился в пепел.

Только теперь он окончательно убедился, что И Нин освободил его.

— Даже не думай о том, как расправиться со мной. У меня ещё остались козыри, — произнёс И Нин, увидев уничтоженный хлыст. Похоже, это доказывало, что ненависть Янь Сюаня ещё не угасла.

Но демон перед ним ничего не ответил. Его взгляд остался прикован исключительно к И Нину. Лишь теперь он осознал, насколько близко они находятся друг к другу. Настолько близко, что он отчётливо ощущал исходящую от тела Янь Сюаня опасную ауру.

И Нин, разумеется, прекрасно понимал, что значит сила Владыки демонов.

Янь Сюань лениво размял запястья и, окинув собеседника оценивающим взглядом, бесстрастно спросил:

— Этот нефритовый кулон. Кто тебе его подарил?

Вопрос прозвучал совершенно неожиданно. Пока бессмертный застыл в замешательстве, Янь Сюань продолжил:

— Гун Сюсянь, верно?

И Нин не понимал, почему тот спрашивает таким тоном, будто устраивает допрос, но после секундного колебания всё же ответил:

— И что? — Это и правда был подарок Гун Сюсяня.

Раз отрицать он не стал, Янь Сюань воспринял это как подтверждение. В следующую секунду он сорвал подвеску и сжал её в ладони. Нефрит тут же превратился в пыль.

— Ты!

Он никак не ожидал подобного и посмотрел на мужчину в полном недоумении. Только он хотел что-то сказать, как его опередили:

— А эта поясная лента? Кто её подарил?

— Что ты вообще творишь? — И Нин настороженно прикрыл ленту рукой, но Янь Сюань перехватил его запястье и силой сорвал украшение.

Как и следовало ожидать, лента тоже вспыхнула под действием демонической энергией и сгорела дотла.

— Застёжка на воротнике. Кто её подарил?

Увидев, что Янь Сюань снова тянет к нему руку, И Нин наконец не выдержал:

— Это принадлежит мне!

— Лжёшь. — Янь Сюань холодно усмехнулся и неторопливо прижал И Нина к каменной стене, срывая застёжку, пропитанную запахом Гун Сюсяня.

Вещица упала на землю и была втоптана им в грязь, словно сам Гун Сюсянь находился на её месте.

Стоило мужчине поднять голову, как в следующий миг И Нин отвесил ему звонкую пощёчину. В ладони не было духовной силы, поэтому боль оказалась едва ли ощутимой, однако Янь Сюань всё равно опешил. Перед глазами предстала картина: пылающие от гнева кончики ушей И Нина, растрёпанный ворот одежды и открывшиеся из-за этого белоснежные плечи с изящными ключицами.

Красиво.

Янь Сюань невольно провёл языком по разбитому уголку губ, куда пришёлся удар. В горле внезапно пересохло.

Примечания:

1. «Я сердце своё обратил к сияющей луне, а та предпочла осветить сточную канаву» — известная поэтическая метафора о безответной любви и предательстве. Образ луны символизирует возвышенный предмет чувств, а канава — нечто низкое и недостойное, чему в итоге отдаётся предпочтение.
2. Небесное Дао (天道, Tiāndào) — высший вселенский закон, управляющий судьбами мира. Определяет порядок вещей, циклы перерождений и вознесения. Иногда персонифицируется и обретает облик, наделённый сознанием и способностью вмешиваться в ход событий.
3. Небесный Владыка Гоучэнь (高天君, Gāotiānjūn) — в даосской мифологии один из высших небесных владык. Он почитается как бог войны, покровитель военных союзов и защитник императорской власти. Считается, что Гоучэнь управляет звёздами, перерождениями и земными судьбами, поддерживая порядок и справедливость в мире смертных.
4. Заключение союза (盟誓, míngshì) — в мире совершенствующихся это обычно процесс создания неразрывной духовной связи между двумя людьми, магический контракт, скреплённый на уровне душ и духовных сил, который может служить как для совместного совершенствования (брак), так и для боевого партнёрства или защиты.